

*В. НОВИКОВ,
научный сотрудник ИЭПП*

А ЕСТЬ ЛИ ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ У ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА?

В статье, опубликованной в № 3 “Вопросов экономики” за текущий год, А. Бузгалин предлагает свое видение достижений политической экономии социализма, полагая, что она может быть полезна как в историческом плане, так и при исследованиях будущего постиндустриального общества¹. Однако нам эти утверждения представляются весьма дискуссионными. Но прежде чем непосредственно переходить к обсуждению поднимаемых в статье проблем, мы сначала поставим вопрос в другой плоскости: могут ли какие-либо теории, отвергнутые большинством исследователей, быть полезными для изучения некоторых экономических явлений?

Ответ на этот вопрос важен хотя бы потому, что без него сегодня невозможна дискуссия о потенциале политической экономии социализма: советская политэкономия большинством представителей современной российской экономической науки отнесена исключительно к предмету истории экономической мысли. А это в силу отношения к данной дисциплине означает, почти по определению, отказ от обсуждения достоинств и недостатков “попавшей в историю” теории.

Подобный подход имеет следующую логику: все научные школы прошлого внесли определенный вклад в кумулятивный прирост знаний, последние непрерывно уточнялись, при этом полученные в результате уточнения новые знания совершенствуют старые теории, получая преимущества в виде большей “объяснительной силы” и расширенного круга применения. Такой взгляд на историю экономической науки М. Ротбард удачно определил как “панглоссианский оптимизм”². И тогда единственно правильным способом получить самое совершенное знание является изучение самых последних статей и книг по интересующей теме. Они, также почти по определению, предполагают более высокий уровень ее изложения и большую “научность”, чем “предпоследние” статьи и книги.

---

¹ Бузгалин А. *Эвристический потенциал политической экономии социализма в XXI веке*. – Вопросы экономики, 2003, № 3.

² Rothbard M. *Economic Thought Before Adam Smith: Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, vol. 1. Brookfield, Vt.: Edward Elgar, 1995, p. ix.

Проблемы, связанные с этой точкой зрения, можно проиллюстрировать примером развития теории международной торговли³, в которой общепризнанный специалист в этой области, автор многих учебников П. Кругман выделяет пять “больших идей”, причем последняя из них – специализация стран в связи с экономией на масштабе – достижение самого П. Кругмана⁴. Однако ему удалось не только сформулировать данный тезис, но и найти через 14 лет после “открытия” своего предшественника, выразившего аналогичные мысли, хотя и в менее строгой форме. Причем этим предшественником оказался не малозаметный ученый, а один из основателей современной теории международной торговли Б. Олин, с работами которого большинство экономистов были хорошо знакомы, правда, исключительно по “математическому переводу” идей его трактата П. Самульсоном.

Данный пример далеко не единичен и показывает, что в процессе эволюции науки вполне реально не только приращение, но и потеря знаний. Эту точку зрения подтверждают и работы методолога науки Т. Куна⁵, который убедительно показал, что даже в точных науках гипотеза о кумулятивном развитии дисциплин – большое преувеличение. Научные революции, означающие полную или частичную смену предмета науки, общепризнанной методологии и признаваемых достоверными фактов, приводят не только к увеличению “объясняющей силы” теории, но и к переходу некоторых прежде объяснимых феноменов в категорию необъяснимых. При этом поражение теории зачастую является исключительно временным, что можно проиллюстрировать отказом от идеи об относительности пространства во времена И. Ньютона и ее победой в эру А. Эйнштейна⁶.

Таким образом, “старые” теории могут содержать как ответы на нерешенные вопросы, так и альтернативное видение, позволяющее продуктивно ставить и решать новые проблемы. При этом отказ от трактовки развития науки как непрерывного приводит к еще одному важному выводу: деятельность любой школы научной мысли может обуславливать не только прирост знаний, но и их утрату, что делает возможными и позитивные, и негативные оценки вклада теории или школы в рост знаний. Однако оценка невозможна без внимательного рассмотрения аргументов сторон, и в этом смысле публикация статьи А. Бузгалина крайне важна как попытка оценить аргументы сторонников советской политической экономии, чьи идеи вновь получают распространение, например, в связи с анализом характеристик постиндустриального общества.

Естественно, наиболее важным является вопрос об актуальности политической экономии социализма в свете развития современной

---

³ Автор благодарен А. Куряеву за то, что привлек внимание к этому примеру. См. также: Krugman P. Was it all in Ohlin? 1999 (<http://web.mit.edu/krugman/www/ohlin.html>).

⁴ Сравнительные преимущества; зависимость условий торговли от взаимного спроса; связь между избыточностью факторов и интенсивностью использования факторов; связь между внутренними диспропорциями и торговой политикой; специализация стран, возникающая благодаря экономии на масштабе после “произвольно” сделанных первоначальных вложений.

⁵ Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО “Издательство АСТ”, 2002.

⁶ Там же, с. 106–108.

экономической теории. А. Бузгалин утверждает, что “эта наука полезна для понимания природы: (1) экономики “реального социализма” – той экономической системы, которая существовала в СССР и других странах мировой системы социализма; (2) будущего общества, которое называют *постиндустриальным, информационным или даже постэкономическим*; (3) *трансформационной экономики*” (с. 113). Анализ этих посылок и станет предметом настоящей статьи.

Политическая экономия социализма и ее система категорий

Одним из успехов политэкономии социализма автор называет разработку систему категорий (отношения собственности, форма продукта, социально-экономическая форма труда и т.д.), которая “сама по себе является важным научным достижением” (с. 113–114) прежде всего потому что “она (в крайне специфическом виде) отразила *структуру любой экономической системы*” (с. 115).

Разумеется, наука не может существовать без системы категорий, однако способность с их помощью описать все относящиеся к предмету исследования события не является ни необходимой, ни достаточной для признания научных достоинств теории. Во-первых, система категорий может описывать не все включаемые в предмет науки явления, а только их некоторую часть. Собственно, именно это и происходит в реальной жизни: термины появляются по мере включения новых явлений в число объясненных или хотя бы изучаемых.

Во-вторых, сам факт наличия системы категорий, при помощи которой можно описать все рассматриваемые явления, не может ничего сказать о том, насколько данная теория помогает раскрыть предмет исследования. Так, например, неоклассической экономической теории хорошо знакомы “эффект сноба” и “эффект присоединения к большинству”, описывающие прямо противоположные ситуации – покупку товаров, отличных от покупаемого другими, и покупку ровно таких же товаров, как покупают все. При помощи этих двух эффектов можно “объяснить” практически любое намерение купить то или иное благо, а устоявшиеся названия придают подобным объяснениям научный статус и дополнительную респектабельность. Однако очевидно, что возможность подобного описания не делает их полезными для теории потребительского поведения. Этот пример подтверждает, что система категорий является начальной точкой науки, оценивать которую требуется уже с помощью других критериев.

Более того, происходящее в любой экономической системе можно описать не только в терминах политэкономии социализма или неоклассической школы, но и, например, в терминах физики. Так, процессы обмена товара А на товар Б могут быть, “хотя и в крайне специфическом виде”, выражены законами динамики, включая закон сохранения материи, закон сохранения импульса и три закона Ньютона, а скрипичный концерт легко может быть интерпретирован в терминах акустики. Научный же семинар может быть описан как в тер-

минах “выступлений” (определенный круг людей в установленном порядке выступает), так и в терминах “молчания” (определенный круг людей в установленном порядке молчит).

Приведенные примеры показывают, что терминология не просто “отражает” (с. 115) предмет, она отражает понимание предмета, причем в ряде случаев может даже препятствовать пониманию. Не имея возможности обсуждать в рамках данной статьи все категории политэкономии социализма, ограничимся рассмотрением только первой: исходное отношение, характеризующее взаимосвязь производителя и потребителя.

Данная категория советской политэкономии предполагает противопоставление “плановой формы связи производителя и потребителя” и “товарной системы отношений” (с. 114). Это противопоставление можно считать примером того, как неудачная терминология препятствует точному пониманию явлений. В реальности мы видим здесь не одну, а две оси противопоставлений.

С одной стороны, можно противопоставить “натуральное” и “товарное” хозяйства. Такое противопоставление имеет смысл и особенно удачно тем, что противопоставляемая “товарной” социалистическая экономика действительно концептуально близка к натуральной. Здесь речь идет даже не о доле внешней торговли, а о том, что, так же как на острове Робинзона Крузо, существует *один* план, подлежащий выполнению, так и социалистическая экономика СССР стремилась к созданию подобного положения, то есть ситуации “один остров – один план”.

С другой стороны, мы имеем еще одно противопоставление: “плановости” и, вероятно, “случайности”. Затруднение с подбором последнего термина вызвано тем, что содержательная интерпретация отсутствия “плановости” в человеческой деятельности означает, по сути, исчезновение предмета для экономической науки по крайней мере в том случае, если мы считаем, что анализ действий людей должен чем-то отличаться от анализа “неживой” природы. Непредвзятый же анализ показал бы, что плановость выступает как часть любого экономического явления, а экономические системы в идеале отличаются тем, что в одном случае есть один планировщик и один план, а в другом – количество планов, планировщиков и граждан совпадает⁷.

Итак, наличие категорий, достаточно полно описывающих область исследований, не может само по себе считаться критерием полезности и применимости теории. Для этого необходимо проанализировать, насколько термины “проясняют” ситуацию, и в этом аспекте есть обоснованные сомнения в том, что категории советской политэкономии соответствуют этому критерию.

“Реальный социализм” и политическая экономия социализма

Сопоставление советской политэкономии со схоластикой достаточно часто встречается в дискуссиях представителей разных эконо-

---

⁷ Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: “Catallaxy”, с. 341.

мических школ. В одних случаях сходство со схоластикой рассматривают скорее как упрек, в других – как способ подтверждения научной значимости теории⁸. Поэтому целесообразно обратить внимание на методологию и некоторые аспекты истории схоластики.

В современном языке схоластика является практически синонимом бесплодных умствований⁹. Непредубежденный же анализ деятельности схоластов¹⁰ показал бы, что они – по сути, университетские профессора, основывавшиеся в своих исследованиях на Священное Писание и благодаря авторитету Св. Фомы Аквинского – на формальную аристотелеву логику¹¹.

Разумеется, сегодня не каждый исследователь готов в качестве исходной точки взять Библию, однако любой анализ начинается с постулирования некоторых невыводимых положений, и если эти положения у “схоластов” ряду исследователей кажутся спорными, это еще не позволяет однозначно считать характер их деятельности “ненаучным”. Более того, у поздних схоластов благодаря учению о “двойной истине” религиозные соображения не влияли на научные исследования: то, что признавалось истинным в рамках теологии, могло не быть истинным с научной точки зрения, и наоборот.

Указанные особенности (следование строгой логике и учение о “двойной истине”) позволили ученым-схоластам получить ряд достаточно значительных результатов, в том числе и в экономической науке. В частности, они смогли выявить большинство факторов, определяющих рыночную ставку процента, а также создали субъективную теорию стоимости и предвосхитили понятие “предельной полезности”. Таким образом, в некоторых отношениях их труды были ближе к современному пониманию экономических явлений, чем работы, например, Адама Смита.

Для того чтобы выработать собственное отношение к трудам схоластов и извлечь из них пользу, ученому достаточно определить, в какой степени он согласен с базовыми предпосылками их исследований. Если базовые предпосылки сходны, то есть возможность проверить правильность выводов и в чем-то уточнить и развить теорию. Если согласия относительно посылок нет, то труды могут быть интересны уже не как собственно научные работы, а как исторический источник, с помощью которого можно найти описание происходив-

---

⁸ “Позволю себе параллель с теологией как наукой, описывающей жизнь средневекового общества. Масса положений теологии с точки зрения атеиста не выдерживает никакой критики. Тем не менее данная наука абсолютно необходима для понимания природы общества того времени” (с. 112–113).

⁹ Так, словарь Ожегова определяет схоластику следующим образом: “1. Средневековая философия, создавшая систему искусственных, чисто формальных логических аргументов для теоретического обоснования догматов церкви. 2. Знания, оторванные от жизни, основывающиеся на отвлеченных рассуждениях, не проверяемых опытом”.

¹⁰ Подробнее см.: Шумпетер Й. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001, с. 92–136; Rothbard M. Economic Thought Before Adam Smith: Austrian Perspective on the History of Economic Thought.

¹¹ Можно заметить, что опыт схоластов говорит о том, что отношения веры и рассуждения не столь конфликтны, как принято считать. Католические ученые внесли огромный вклад в укрепление престижа разума.

ших в то время событий и попытаться интерпретировать полученные знания с применением собственного исследовательского аппарата.

Однако это существенно разные вещи: признать науку полезной в качестве собственно науки и признать ее полезной в качестве источника исторических текстов. Представляется, что советская политэкономия относится, скорее, ко второму случаю. При этом отсутствие схоластического принципа “двойной истины” делает работу с такой литературой достаточно сложной, так как идеологические соображения оказывали непосредственное и не всегда легко вычленимое влияние на научную позицию автора.

Кстати, следует заметить, что механизмы крушения схоластики и советской политэкономии и последовавшие события были в общем-то сходными. В одном случае борьба с католической церковью обусловила атаку на схоластов, их учителя Аристотеля и, в частности, на основанную им формальную логику. Результат – Реформация в философию и науку принесла с собой прежде всего мистицизм, в общем-то означавший отказ от познания с помощью рациональных способов. В другом случае политическая борьба привела к поражению теоретиков советского строя, что предопределило в дальнейшем непопулярность дедуктивных теоретических систем. Результат – реформы в философию и экономическую науку принесли с собой прежде всего позитивизм, в общем-то означавший отказ от возможности познать конечные причины или цели деятельности.

Политическая экономия социализма и “пострыночный способ координации”

Обратимся теперь к тезису о том, что советская политэкономия полезна для понимания “будущего общества, которое называют *постиндустриальным, информационным или даже постэкономическим*” (с. 113). Обосновывается этот тезис следующим образом Рыночная система в определенный момент появилась и, следовательно, в определенный момент отомрет. Исходя из этого, мы можем выделить различные способы координации: рыночные и пострыночные. Нерыночная в своей основе экономика социализма, вероятно, связана с будущим пострыночным способом координации. При этом существующие сейчас нерыночные способы координации (различные способы государственного и надгосударственного регулирования, а также саморегулирования) необходимо трактовать как “зародыши нового пострыночного способа координации”. И, “следовательно, многое из того, о чем говорила политическая экономия социализма “по поводу пострыночного способа координации”, может быть использовано в процессе критического анализа рождающихся сегодня практик будущего” (с. 116).

Доказательство получается исключительно семантическое. Разумеется, пострыночное не может быть рыночным. Точно так же, как и социалистическая экономика. Поэтому выходит, что советские политэкономы изучали прежде всего постиндустриальное и информационное общество.

Но подобная логическая конструкция легко может быть использована и для доказательства противоположного тезиса. Для этого достаточно назвать современную российскую экономику не рыночной, а постсоциалистической. Тогда рыночные отношения станут “зародышами” или самой “новой формой координации”, а государственное регулирование и саморегулирование – “рудиментами” и “наследниками Госплана”.

Главное уязвимое место обоих доказательств состоит в том, что неявно предполагается поступательное развитие от стадии к стадии, где каждая последующая лучше и выше предыдущей и, более того, гарантированно существует. В реальности же регресс так же возможен, как и прогресс. Доказательством этого в зависимости от политических взглядов можно считать октябрьский переворот 1917 г. или распад СССР в 1991 г.

Кроме того, по поводу роли государства, предлагаемой в качестве “новой”, Платон писал: “Создание мира есть победа убеждения над силой”. Соглашаясь с Платоном, заключим, что на протяжении всего времени существования человечества имело место противостояние между двумя основными формами координации (насилием и рынком), каждая из которых в определенный момент времени могла быть распространена сколь угодно широко. Однако выбор между ними делают люди, а не неумолимая история и он никогда не окончателен, а всегда лишь промежуточен. В этом смысле пострыночный способ координации не неизбежен, не является “новым”, а его возможное появление само по себе не может подтвердить научной значимости советской политэкономии, предметом исследования которой выступают похожие феномены.

* *
*

Подводя итог дискуссии, мы можем еще раз сформулировать следующие выводы, соответствующие основным тезисам автора о полезности политической экономики социализма для понимания природы “реального социализма”, современной трансформационной экономики и для понимания будущего.

Во-первых, можно согласиться с тем, что труды представителей советской политэкономии полезны для понимания социалистической экономики. Однако это полезность не теоретических, а исторических трудов, описываемые в которых факты нуждаются в другой интерпретации при помощи *другого* теоретического инструментария.

Во-вторых, можно согласиться с тем, что разработанная советской политэкономией система категорий действительно способна полно или относительно полно отразить структуру любой экономической системы и, в частности, российской переходной экономики. Однако термины должны не только отражать явление, но и способствовать его объяснению, что, по нашему мнению, нельзя сказать про целый ряд используемых понятий.

В-третьих, есть вероятность, что на смену рыночному придет “пострыночное общество”. Однако этот факт ни неизбежен, ни является необходимо прогрессивным и в любом случае преимущество советской науки не может быть доказано тем, что она изучала сходный предмет.